

Все эти рассказы Лун Юя о том, что камень якобы добыт из огненной жилы Подземного мира — чистой воды вздор!

На самом деле это был обычный «двуликий нефрит», диковинка из мира Асур. Чаще всего такие камни имели два цвета, распределённых пятнами, а экземпляры с ровным, чётким делением, как этот, встречались редко. В свободное время Лун Юй любил вырезать из них подвески: одну — себе, другую — Я И. А тот, не будь дурак, носил всё, что давал ему супруг, особенно если вещицы составляли пару.

Именно эта привычка и помогла им избежать лишних хлопот.

Очевидно, за ними начали следить едва они вошли в город. Тёмно-красный нефрит найти непросто, а вот чёрный — вполне реально, поэтому мошенники решили подставить его, но крупно просчитались. Лун Юю даже не пришлось прибегать к чтению мыслей, чтобы понять суть происходящего. Стоящий перед ним недотёпа был всего лишь «разведчиком», причём, судя по всему, его использовали втёмную. Бедолага искренне верил, что совершает благое дело. Вот уж верно говорят: излишняя доброта порой хуже открытой злобы.

— Доброта — дело благое, — бросил Лун Юй, не оборачиваясь, — но и её нужно проявлять с умом. Иначе тебя с потрохами продадут, а ты ещё и монеты за себя пересчитаешь.

Столпившиеся горожане дружно расхохотались. Случай, когда Ян Лаоу продали, а он ещё и благодарил, был в Миншане притчей во языцех.

Ян и впрямь был человеком редкой души и доброго сердца, но при этом — непроходимым простаком. Его «благие намерения» не раз выходили боком и ему, и окружающим. Будь на его месте кто другой, его бы давно оттащали за вихры, но с Пятым Яном это не работало. Стоило кому-то повысить голос, как он тут же принимался пускать слёзы. Одно дело, когда рыдает девица, и совсем другое — когда взрослый мужик садится на землю и начинает голосить во всё горло. Любой почувствовал бы себя последним негодяем, обидевшим невинное дитя.

В конце концов на него просто махнули рукой. Стоило Пятому Яну встрять в какое-то дело, как народ собирался поглазеть на очередное представление. В семи случаях из десяти он действительно помогал, но в остальных — становился пешкой в чужой игре. О семье Ху в городе знали: после смерти кормильца вдова с сыном перебивались с хлеба на квас. Ходили слухи о некой родовой драгоценности, которую те наотрез отказывались продавать, и даже о каких-то «мастерах Дао», признавших в камне духовный артефакт. Поэтому поначалу люди сомневались — Лун Юй и его спутник были чужаками, а к своим в Миншане доверия всегда больше.

Теперь же стало ясно: Ян Лаоу снова вляпался, а вдова Ху с сыном, похоже, решили на этом нагреть руки.

Но толпу больше занимало другое: как во всём этом замешаны те двое странников?

Лун Юй даже не взглянул на покрасневшего от стыда Пятого Яна. Подхватив Я И под руку, он просто пошёл прочь.

Ян Лаоу, уже приготовившийся было оправдываться, почувствовал себя невыносимо обиженным. Стоило чужакам скрыться, как из его глаз брызнули слёзы. Он выглядел настолько жалко, будто его только что избили.

— Взрослый мужик, руки-ноги на месте, а в голове — сквозняк! — Лу Фэнтан, спускавшаяся из чайной вместе с матерью, не стеснялась в выражениях. — Тебя использовали как последнего дурака, а ты ещё и нюни распустил! Ступай домой и не позорь наш город!

Слова её были резкими, но толпа лишь одобрительно загудела.

— Верно говоришь, Пятый Ян! Который раз на те же грабли?

— Хватит сырость разводить, смотреть противно!

— Позор, да и только!

Большая часть собравшихся принадлежала к клану Лу — в Миншане почти шесть из десяти жителей носили эту фамилию. Лу Фэнтан в последние годы железной рукой вела дела семейного серебряного ряда, и дела шли в гору. Она даже учредила в клане кассу взаимопомощи в тысячу лянов под присмотром старейшин. Любой сородич в случае беды мог получить до ста лянов беспроцентно под поручительство уважаемых людей. Но горе было тому, кто не возвращал долг — клан наказывал сурово, а двери лавок «Ваньфа» закрывались для такого человека навсегда.

Понятно, что большинство Лу предпочитали хранить сбережения именно у неё. Дело было не только в фамилии: Лу Цзянчунь, отец Фэнтан, хоть и был человеком простым, в делах слыл образцом честности. Прямой и справедливый, он никогда не искал лишних ссор, но и в обиду своих не давал.

Жизнь его сложилась удачно, если не считать трагической гибели сына. Жена его, госпожа Лу, была женщиной преданной и добросердечной. Когда-то давно, когда старший брат мужа ушёл на службу, именно она заботилась о беременной невестке. Трудные были роды, но она подняла на ноги и врачей, и повитух, даже семейный женьшень, припасённый на крайний случай, отдала, чтобы спасти обеих. С тех пор семьи жили в великом согласии.

Старший брат, вернувшись в чине военного чиновника, выстроил дом в деревне Лунань, где и коротал старость, нянча внуков и частенько наведываясь в город. Племянницу Фэнтан он обожал за её бойкий нрав, находя в ней родственную душу.

При такой поддержке никто в округе не смел косо взглянуть на Лу Фэнтан. Даже то, что она до

сих пор не вышла замуж, а искала мужа-примака, который вошёл бы в её семью, не давало повода для сплетен.

Ян Лаоу, услышав её отповедь, обиделся ещё сильнее.

— Ты, девка, помалкивала бы! — буркнул он, не соображая, на кого замахивается. — С таким языком неудивительно, что замуж тебя никто не берёт.

Сказал — и точно в осиное гнездо палкой ткнул.

— Ян Пятый! Ты на кого рот разеваешь? Нашу Фэнтан трогать не смей!

— Ишь, выискался! Наша Фэнтан мужа в дом ищет, а не замуж идёт! Просто на племянника твоего лентяя и смотреть не захотела, вот ты и бесишься!

— Правильно сделала! Твой племянник только и умеет, что чужое проедать. Такому бездельнику в нашей семье делать нечего!

Горожане обступили Яна плотным кольцом. Куда ему было переспорить половину города?

— Пойдём, мама, — Лу Фэнтан даже бровью не повела. Спорить с таким ничтожеством было ниже её достоинства.

Однако те двое «мастеров Дао» не выходили у неё из головы. Уж очень властными они казались.

— Дочка, а ведь эти господа, видать, непростые люди, — госпожа Лу, словно прочитав её мысли, кивнула вслед ушедшим. — Как лавку поставят, надо бы нам к ним зайти, судьбу твою спросить.

— Хорошо, матушка, как скажешь.

Фэнтан привыкла соглашаться с матерью в мелочах. Успокоить её сердце было важнее, а от одного гадания ещё никто не умирал.

Тем временем Лун Юй и Я И продолжали свою прогулку, ничуть не расстроенные происшествием.

— Ну надо же, — качал головой Лун Юй, — как можно быть настолько непроходимым тупицей?

Сколько же грехов он совершил в прошлой жизни, чтобы так обделили мозгами в этой?

Таких «святош» Лун Юю встречать почти не доводилось. Чаще ему попадались «хрупкие белые лотосы» — существа куда более коварные.

— В прошлой жизни он задолжал слишком многим, вот и расплачивается, — отозвался Я И. — А может, просто воспитание такое. Этот Ян, похоже, из тех, кому в голову вбили образ мученика.

— Вбили в голову? — Лун Юй удивленно прищурился.

Я И, заворожённый его взглядом, не удержался и поцеловал его в веко.

— Именно. Окружающая среда, догмы, которые вдалбливают с пелёнок.

— Промывка мозгов, значит, — Лун Юй задумчиво наклонил голову. — Мне в Нефритовом поместье тоже с утра до вечера твердили, что я человек. Что-то я им так и не стал.

В Нефритовом поместье он слышал это от каждого: от отца, Лун Цзина, до последнего слуги. Распинались о том, как подобает вести себя человеку, а Лун Юй в это время каждой клеткой тела помнил, что он — полуасура.

— Это потому, — Я И помрачнел от скрытой боли, — что, будь ты обычным человеком, ты бы там просто не выжил. Твоя воля к жизни была слишком велика.

Я И знал правду, которую скрывал Лун Цзин. Старик знал пророчество: в роду Лун родится Бог Убийства и положит конец их величию. Когда Лун Юй появился на свет из яйца, небесные знамения подтвердили опасения Цзина. Он пытался «уморить его лаской» — окружить мнимой заботой, чтобы тот вырос слабым и никчёмным. Но Чжэнь Яо оберегала сына слишком яростно. А та история с похоронами заживо в шестидюймовом гробу? Кто-то поверил, что это почести, но Я И знал: старик просто хотел убедиться, что ребёнок не выберется.

Я И холодно усмехнулся.

— О чём задумался? — Лун Юй заглянул ему в лицо.

— Да так, — Я И мягко погладил его по волосам. — Подумал, до чего же нелеп этот Ян Лаоу.

Он не хотел ворошить прошлое. Ненависть в сердце Лун Юя и так была глубока, зачем добавлять в неё новые капли яда?

— Нелеп, не то слово, — согласился Лун Юй. — Смотри, вон то заведение, «Чживайчжай», выглядит заманчиво. Пойдём перекусим, а потом домой — мебель должны привезти.

Он не то чтобы проголодался, но доносившийся изнутри аромат морепродуктов был слишком соблазнителен. Лун Юй в еде был сушим котом: обожал всё, что плавает в реках и морях. Наверное, сказывалось голодное детство.

Скажи кому — не поверят: наследник великого Нефритового поместья мог страдать от голода? Но пока Лун Юй был мал и одинок, многочисленные наложницы отца спали и видели его в могиле. Пакостили мелко, но злобно: бывало, в лютый мороз целый месяц приносили только холодную еду. Манты превращались в ледяные камни, которыми можно было проломить голову, а похлёбка застывала монолитом.

В те времена Лун Юй ел всё: от подброшенных змей, которыми его пытались отравить, до коры ивы в саду. Он хотел жить назло всем им. И даже в тех условиях ухитрялся устраиваться с комфортом — особенно когда рядом появился Сяо Цзин. Они вдвоём научились готовить из чего угодно, обнаружив в себе недюжинный талант, до которого Хэ Мофаню было как до луны.

Обед в «Чживайчжай» удался. Блюда не блистали изысканностью, но продукты были свежайшими. Лун Юй наелся так, что живот стал круглым, а Я И всё порывался его погладить, приговаривая, что было бы славно, если бы там сидел их сын.

За что и удостоился его ледяного взгляда.

К дому они шли неспешно, давая обеду уложиться. Как раз вовремя: к крыльцу подкатила подвода из мебельной лавки. Соседи, которые по случаю ремонта всё равно не открыли свои лавки, тут же высыпали помочь. Работа спорилась: под шутки и разговоры тяжелые шкафы и кровати мигом разнесли по местам.

Всё-таки верно говорят: ближний сосед лучше дальней родни.

<http://bllate.org/book/17558/1712023>